

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ В.Н. ТЕЛИЯ¹

В.З. Демьянков

CIVILIZATIONALLY vs. CULTURALLY CONDITIONED KNOWLEDGE TRANSFER IN THE LIGHT OF THE THEORY OF V.N. TELIYA

V.Z. Demyankov

ABSTRACT

Knowledge transfer underlies non-literal use of linguistic expressions when what is not immediately experienced is talked about in terms of what is immediately known. The idea of considering non-literal meanings arising from such language use was formulated and applied to lexicographic investigation by the eminent Russian linguist Veronica Teliya in the 1980's. The distinction between civilization (a set of universal standards and regularities of human behavior) and culture (a set of national standards and regularities of behavior) may be useful. Thus, civilizationally induced knowledge covers broader areas of human experience than nationally or culturally induced knowledge. Non-literal uses of words denoting "black" and "heritage" in Russian and in some European languages demonstrate some differences of mechanisms of civilizational and cultural knowledge transfer.

Key words: knowledge transfer, non-literal use of language, civilizationally induced vs. culturally induced knowledge transfer

АННОТАЦИЯ

Трансфер знания лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о том, что не дано непосредственно, говорят в терминах непосредственного знания. Идея такого рассмотрения небуквальных значений была предложена и применена в лексикографических исследованиях выдающейся российской лингвисткой Вероникой Николаевной Телия в 1980-х гг. В статье предлагается разграничение между цивилизацией (как набором национальных стандартов и закономерностей человеческого поведения) и культурой (как набором национальных стандартов и закономерностей поведения). Так, цивилизационно обусловленные знания покрывают более широкие области человеческого опыта, чем национально или культурно обусловленные знания. Небуквальные употребления слов в русском и некоторых европейских языках демонстрируют некоторые различия в механике цивилизационно обусловленного и культурно обусловленного трансфера знаний.

Ключевые слова: трансфер знания; небуквальное употребление языка; цивилизационно обусловленный vs. культурно обусловленный трансфер знания

---

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

В переводоведении термин *трансфер знака* используется в значении ‘перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака, в качестве элемента другой знаковой структуры’. С помощью этого понятия описываются прямые и обходные маневры при переводе «трудных» выражений с одного языка на другой.

По переносу, трансфером знаний в широком смысле называют передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем, см. [Демьянков 2015]. Такие знания переносятся из одной позиции в «информационной системе» человека в другую позицию – той же или другой системы.

В узком же смысле трансфер знаний – перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. Так, метафора – употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже. Это переход от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно.

В последнее столетие очень широко исследуются различные виды трансфера знаний, когда понятия той или иной социальной или гуманитарной науки анализируются в опоре на то, как об этих понятиях принято говорить в обыденной речи – донора для научной речи. Так, классифицируя различные контексты употребления научных терминов и/или конструкций в обыденной речи, делают выводы о том, что же лежит за соответствующими научными понятиями.

Трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда речь идет о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, данных опосредованно. Тогда имеют дело с трансфером «от известного к неизвестному». В частности, техники анализа обыденных значений у слов, используемых в научном и политическом дискурсе, позволяют выявить механизмы такого трансфера знаний.

Такой взгляд на метафору вытекает из концепции В.Н. Телия, представленной еще в 1980-е годы. В этой концепции принимается, что метафора «... способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких “оттенков” смысла» [Телия 1988: 179]. И далее: «метафоризация – это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению

этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь “вплетается” в картину мира, выражаемую языком» [Телия 1988: 186].

Одни и те же феномены человеческого бытия можно объяснять с нескольких точек зрения. В частности, с точки зрения культурной и цивилизационной. Как известно, термины *цивилизация* и *культура* соперничают в различных концепциях развития человеческой ментальности. А именно, французский термин *civilisation*, вошедший в середине XVIII в. в научный оборот и во Франции, и за ее пределами, имел значение ‘культура как образ жизни’. Недаром, в отличие от термина *культура*, изначально этот термин не имел формы множественного числа: когда говорили о цивилизации, имели в виду некоторый единственный, уникальный, идеальный образ жизни, взятый в отвлечении от различий, существующих в реальных обществах². Термином же *культура* западноевропейские исследователи обозначали различные экзотичные общества, за пределами «западной цивилизации». Вот почему сегодня стихийно установилось такое разграничение задач: культурология занимается исследованием культуры глазами носителя этой культуры, а этнология – глазами внешнего наблюдателя, то есть, с точки зрения цивилизации, а не самой этой исследуемой культуры.

В языкознании XX–XXI вв., стартуя с универсалистской площадки, видят аналогию между цивилизацией и универсалиями языка, с одной стороны, и культурами и идиоэтническими особенностями языкового употребления, с другой. Иначе говоря, выражаясь языком пропорций, имеем: цивилизация так относится к культурам, как «универсальный язык» («универсалии языка») относится к исторически засвидетельствованным языкам.

При таком понимании (цивилизационные) ограничения на исторически засвидетельствованные языки можно представить себе как границы, предопределяющие развитие языков в рамках существующей цивилизации.

Выявление этих границ в гуманитарных науках происходит методом «реконструкции» (внутренней и/или внешней): рассматривая реликты и «слабые места» в наблюдаемых свойствах реальных языков, устанавливают, какие расхождения между языками случайны, а какие обусловлены языковыми универсалиями, лежащими в основе когнитивного механизма всех человеческих языков. Именно такой реконструкцией на ма-

---

² «“Civilization” was a term coined in France in 1750s and quickly adopted in England, becoming very popular in both countries in explication of their superior accomplishments and justification of their imperialist exploits <...>. The meaning was the same as the sense of “culture” as a way of life that is now proper to anthropology. Among other differences, “civilization” was not pluralizable: it did not refer to the distinctive modes of existence of different societies but to the ideal order of human society in general <...>» [Sahlins 1995: 10–11].

териале русской фразеологии и занималась В.Н. Телия.

Методы такой культурологической реконструкции оказались весьма плодотворными для современной лингвистики. Здесь эти методы используются не столько для восстановления внешней формы языковых знаков – того, как они выглядели или звучали в далекие времена языка, – сколько для выявления системы закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи. Иначе говоря, для интерпретации эмпирических данных в цивилизационно предначертанных рамках (когда ученый стремится к «надкультурной», этнологической реконструкции) – или в рамках конкретной культуры (когда исследователь по той или иной причине, вольно или невольно «заземлен» на конкретную национальную культуру и не обладает амбициями выйти за ее пределы).

Интерпретируя факты, а также чужие и свои высказывания, человек обладает свободой, которая также может по-разному рассматриваться: в цивилизационном и/или культурном формате. В этом аналогия с диалогом, когда мы стремимся понять другого человека, понять себя, понять только текст и т. д. – в зависимости от своей техники понимания, от того, к чему мы подготовлены в большей степени своим предшествующим диалогическим опытом. Понимание – одновременно и интерпретативная деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность), и идеал, к которому мы стремимся (и в этом – цивилизационная составляющая понимания). Однако, поскольку *понимание* – оценочный термин (ср. *правильно, хорошо понять vs. неправильно, неадекватно понять*), связанный с ценностями, а потому и с выбором из множества альтернатив, понимание обладает и своими культурами, см. [Демьянков 2001: 318], и своей цивилизацией. Соответственно, прогресс искусства понимания можно видеть в расширении свободы каждого отдельного человека при выборе своего «параметра», своей позиции на шкале альтернатив. Это способность выбрать, как воспринимать речь в данном эпизоде своей жизни [Там же: 319].

Интерпретация же текста предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного. И этот момент также прекрасно уловила В.Н. Телия: «Узнавание метафоры – это разгадка и смысловая интерпретация текста, бессмысленного с логической точки зрения, но осмысленного при замене рационального его отображения на иногда даже иррациональную интерпретацию, тем не менее, доступную человеческому восприятию мира благодаря языковой компетенции носителей языка» [Телия 1988: 204].

Сегодня, когда освоение большого эмпирического материала происходит в опоре на большие корпуса текстов, с помощью «понимающей» социологии текста (или социологии дискурса) исследуются многие важные когнитивно нагруженные понятия. Этот метод лежит в основе, например, контрастивной лингвистической философии, исследующей

обыденную речь о философски нагруженных понятиях в разных языках.

Исходным для этого метода является вопрос, почему об одних и тех же идеях, тождественных в рамках данной цивилизации, в разных культурах говорят по-разному. И говорят ли действительно об одних и тех же идеях (как если бы они принадлежали одной общей для разных народов цивилизации) – или имеются в виду совершенно разные идеи.

Такое исследование может не только давать лингвистические результаты, но и служить пропедевтикой для философского исследования, ни в коей мере, впрочем, не подменяя его: ведь этот лингвистический метод имеет отношение к исследованию языка, а чисто философская интерпретация требует и иных приемов для анализа данных, иногда связанных с хирургическим вмешательством в наличный интеллектуальный аппарат философа.

Таким образом, на границе между философией и языковедением лежит выявление тех аспектов языка, которые позволяют взглянуть на цивилизационный мир, лежащий за пределами родных национальных (то есть «культурных») ворот.

Вряд ли есть прямая зависимость между употреблением слов и философскими установками разных народов, говорящих на разных языках. Тем не менее, наблюдения приводят нас к вопросу: а действительно ли мы говорим об одних и тех же вещах на разных языках? Сомнения в этом приводят некоторых исследователей к тому, чтобы считать фантомом само понятие цивилизации.

Сегодня на повестку дня вышло эмпирическое исследование ограничений, накладываемых цивилизацией на конкретные языки: можно предположить, что в рамках различных языков не только хранятся различные данные о внеязыковой действительности, но и задаются различные пути трансфера знаний. Иначе говоря, пути познания одних и тех же (универсальных, цивилизационных) сущностей в различных языках и культурах различны. Это именно та общенаучная установка, в разработку которой сделала огромный эмпирический и идейный вклад В.Н. Телия.

Литература / References

1. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиотнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.
2. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015, Вып. 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. С. 17–29.
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
4. Sahlins M.D. How “Natives” Think: About Captain Cook, for example. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=1247887&pg>. Дата последнего обращения – 19.06.2016.